

ГЛАВА I ПРИШЕЛЬЦЫ

— Ну и упрямая ты девчонка! Зачем тебе лететь на эту нецивилизованную планету? — Грзенк возмущенно растекся по рубке звездолета. — Они безобразные, дышат чудовищной смесью газов, а внутри у них, только вообрази, твердые кальциевые образования, которые они называют скелетом!

— Да, возможно, они мерзкие. Но сколько раз тебе повторять, папа: я хочу их изучать! ХОЧУ! — Студенистое хорошенькое тело юной Лирды покачивалось на виброщупальцах. Спина у нее пульсировала красным, что всегда происходило, когда Лирда раз за разом должна была повторять отцу одно и то же.

Грзенк печально собрался в шар, испуская Д-волны. Похоже, в глубине души он уже свыкся с мыслью, что его единственная дочь всерьез собралась связать свою судьбу с этой дикой планетой. Недаром Лирда родилась под знаком повышенного упрямства в сто первый цикл после вспышки сверхновой! И угораздило же его жену отложить яйцеплазму именно в этот год!

Но Грзенк все еще не терял надежды отговорить дочь. И именно поэтому он выложил теперь свой главный козырь:

— Ты только подумай, Лирда: Земля — планета жестких форм. Планета идиотского постоянства во внешнем облике всех существ, ее населяющих! Тебе будет трудно все время сохранять одну форму!

— Не беспокойся, папа, я тренировалась. Я смогу удерживать ее не менее десяти лунных месяцев, — заявила Лирда, выражая насмешку использованием сразу двух верхних мыслидиапазонов.

Сдаваясь, Грзенк втянул в себя все виброщупальца:

— Вся в мать! Может, хоть скажешь, какую форму ты выбрала? Надеюсь, не самую неудачную?

— Что ты, папулечка! Ты же знаешь, я у тебя умница! — обиделась Лирда. — Эта форма наиболее подходит для изучения жителей этой планеты. Я долго определялась, пока не нашла точные параметры в одном из их журналов. Вот, взгляни.

Лирда скаталась в шар, провела перестройку составлявшей ее универсальной материи, — и в рубке звездолета чуть правее навигатора возникла обнаженная девушка. У нее были длинные ноги, совершенной формы живот, груди с чуть вздернутыми сосками, прекрасная шея, большие голубые глаза и мягкие пухлые губы — типичная красавица с журнальной обложки.

— Ну как? Правда, ничего?

Лирда сделала несколько шагов и чуть присела, демонстрируя Грзенку, как гнутся ее колени. Тот от омерзения передернулся, выпустив сразу два фонтанчика слизи.

— И это ты называешь «ничего»? Кошмарно! Отвратительно! Никогда не предполагал, что жители этой планеты так уродливы. Если меня не стошнило, то лишь потому, что я вовремя субмутировал.

— Это самка. — Лирда с интересом оглядела свое новое тело. — Самцы на этой планете выглядят иначе. Иное расположение выпуклостей, загадочные наросты, волосяные луковицы на том месте, которое они называют «физиономией», и все такое прочее... Вначале я собиралась превратиться в самца, но потом подумала, что женская форма больше подходит для исследований. Она не вызывает агрессии и располагает к откровенности.

— О космос! О непредсказуемая вечность! Трудно поверить, что именно с этой планетой связана тайна Великого Нечто! — воскликнул Грзенк. — Будь осторожна, дочка, молю тебя! Там тебя может подстерегать опасность!

Лирда фыркнула:

— Великое Нечто? Да вы с дедом на нем помешались! Всякому понятно, что это всего лишь глупая легенда. Я, кстати, пыталась докопаться до ее источников, но безуспешно. В легенде точно не сказано, что это за Великое Нечто, как оно выглядит и где его искать.

— Пусть так, но все равно будь начеку! — хмуро повторил Грзенк.

— Не волнуйся, я хорошо подготовлена. Чао, папуля!

Дразняще вильнув бедрами (Грзенк поспешил поскорее субмутировать), Лирда зашла в кабинку телепортатора и приготовилась отдать мысленный приказ.

— Погоди! — спохватился Грзенк. — Скажи хотя бы, в какую часть планеты ты собираешься переместиться? Где мне тебя искать?

— А... Ты все об этом? Они называют этот город Москвой. Я телепортируюсь прямо в центр, чтобы немедленно начать исследования. Ну пока, папуля, я буду выходить с тобой на связь как можно чаще! — Лирда

помахала отцу рукой, послала воздушный поцелуй и исчезла.

А Грзенк свернулся в шар и задумался. Его грызло беспокойство. Пусть Великое Нечто — это только смутная легенда, но ни одна легенда не возникает на пустом месте. И зачем жена отложила яйцеплазму в неблагоприятный год? Вот что случается, когда не примешь во внимание гороскоп.

ГЛАВА II ВСТРЕЧА

Крестообразная тень зацепила потолок. Машина давно уже промчалась и гул мотора затих, а тень все еще висела над комнатой. Алексей Корсаков, тридцатилетний преподаватель Петербургского университета, хотел уже повернуться на другой бок, но в этот момент заверещал телефон.

— Алло! Леша, Леха, ты слышишь меня? Это Федор Громов. Ты можешь приехать? Срочно!

Корсаков окончательно проснулся. Когда старый приятель молчит три года, а потом будит среди ночи, для этого должен быть повод.

— Могу, да... Но что стряслось?

— Не могу сказать. Ты точно приедешь? — В голосе Федора звучала несвойственная ему настойчивость. — Я сейчас на даче. Ты помнишь, как ко мне добираться?

— Да, но...

— Тут творится какая-то чертовщина... Прошу тебя, не оставляй меня... Он опять здесь... Если ты не... А, черт!.. Вот опять...

Трубка загудела. Больше Федор не перезванивал. Его московский номер тоже не отвечал, а сотового у него не было. Да и вообще трудно было представить себе Громова с сотовым — Федор был из породы романтиков: бо-

рода, рюкзак, байдарочное весло... Отстал от жизни лет на тридцать или опередил ее лет на тридцать — какая разница?..

Корсаков вернулся в постель и хотел заснуть, но сон не приходил. Нет, нельзя не поехать — свинство будет. И ехать неохота. Он начал маяться, испытывать смутное беспокойство, и хотя оно еще не приняло четких форм, уже понял, что не усидит на месте и обязательно сорвется в Москву. К тому же если и ехать, то только теперь. Более удачного времени не найти. Сейчас лето, занятий в университете нет, правда, он должен принимать вступительные экзамены, но, если постараться, можно отпроситься.

Для того чтобы срочно уехать, была и другая причина. Связь Алексея с его последней подругой Людмилой переживала стадию затянувшейся агонии: бесконечные, ни к чему не приводящие выяснения отношений, взаимное раздражение, досада, ощущение глухого тупика. Даже близость уже не сглаживала, а только все портила. До загса так и не доехали, мимо любви проехали. Короче, врубай заднюю передачу.

— Ну что, сестры? В Москву! — сказал он сам себе.

Днем он уладил все дела, позвонил Людмиле и сказал, что у его друга неприятности. Она поверила или сделала вид, что поверила, — никогда нельзя было понять ее полутонов. Перед поездом Корсаков еще заскочил к матери на Невский, отдал ее кошку соседке и составил все цветы в таз с водой. Мать должна была вернуться из Ялты через двадцать дней, за это время кошка авось не околеет и цветы как-нибудь протянут.

На другой день, пересев с петербургского поезда на пригородную московскую электричку (скачок с Ленинградского вокзала на Белорусский), он был уже на Фединой даче под Бородином.

«Столярный переулок, дом 8».

Жестяная табличка на заборе все та же. Пять лет для жести пустяковый срок, для памяти тоже. Он толкнул калитку. И сразу увидел пепелище. Почему-то мелькнула мысль, что запах костра и гари — два совсем разных запаха. Гарь пахнет кисло, скверно пахнет. Дом смахивал на вдавненный молочный пакет. Первый этаж — кирпичный — еще стоял, второй — деревянный — обвалился внутрь.

У соседки, бабы Даши, он узнал, что вчера утром (то есть всего через несколько часов после звонка) взорвались газовые баллоны, которые хозяин хранил около печки. («То ли выпил, то ли еще что».) Федя погиб, обгорел, и тело уже увезли.

— А че было ценного, пожарники поперли... Да и кто уследит — бегают все, орут... А что, калитка-то открыта была? — спросила соседка, поглядывая на Корсакова ласковыми и одновременно подозрительными глазами.

— Открыта.

— Значит, мальчишки пломбу сорвали, она опечатана была, и веревочка вроде такая натянута... — Баба Даша вытерла платочком глаза. — Федька-то молодой был совсем. Поздоровается всегда... А теперь вон у меня ползабора пожарная машина обвалила, а платить-то уж и некому...

Через выбитую пожарными дверь Федор прошел в дом. Соседка неотлучно маячила у него за спиной. Диван, на столе рыба на газете, нож, в углу удочки, на полке магнитофон, бело-синий, любительски разрисованный бок печи — занятная порнографическая вариация на тему туриста и русалки. Федор не менялся, и вещи вокруг него были все те же.

— Вот туточки он и лежал... Пожарники к нему и подходить побрезговали... Потушить потушили — и зови, бабка, кого положено, а мы поедем... Ну мы давай звонить... Смерть-то уж нелепая больно... Молоко у меня каждую неделю брал... Ты-то кто ему будешь? Не брат его двоюродный? Не знаешь, дом-то они восстанавливать будут или так продадут?

Алексей заглянул на веранду. На столе лежала потрепанная общая тетрадь с переплетом-пружинкой. Еще некоторое время поговорив с соседкой, он спросил, когда электричка, и стал прощаться.

Уже у самых дверей он вспомнил вдруг, что забыл на веранде сумку. Возвращаясь за ней, Корсаков быстро схватил тетрадь и сунул ее под рубашку.

Дневник Федора Громова он узнал бы из сотни похожих.

ГЛАВА III НЕДРЕМЛЮЩИЙ СТРАЖ

Лирда специально настроила телепортатор на возвышенное место, чтобы при материализации не оказаться внутри бетонной стены или на шоссе перед мчащейся машиной. В этом отношении памятник Юрию Долгорукому вполне подходил, на нем стопроцентно никого не было, кроме голубей, испуганно разлетевшихся, когда на коне перед московским князем появилась обнаженная девушка.

Лирда встала во весь рост и, для устойчивости положив руку на гриву, с интересом осмотрелась. Планета Земля, культуру и психологию жителей которой она так долго изучала, простиралась под ней.

— Ну вот я и прилетела! — довольно сказала она князю Юрию. Тот, поглощенный подглядыванием в окна бывшего особняка московского генерал-губернатора, промолчал.

Был один из первых дней июля. По Тверской с гулом и потрескиванием искр на проводах проезжали троллейбусы, а у киосков с прохладительными напитками толпились аборигены и аборигенки. На их телах были разноцветные полосы материи, которые, как объяснял справочник первобытных планет, служили для защиты от солнца или холода, а также для определе-

ния социального статуса при внутриплеменном общении.

— Эге-гей! — крикнула Лирда, осваивая голосовые связки.

Один из молодых самцов в потертых джинсах, проходящий мимо памятника, поднял голову и, увидев Лирду, так на нее засмотрелся, что ударился коленкой об урну. На лице у молодого человека расплылась глупая улыбка. Проанализировав его эмоциональное состояние, Лирда, к своему удовольствию, убедилась, что самцы на этой планете относятся к ней без выраженной агрессии. Это лишний раз доказало ей, что выбранная форма вполне подходит для установления доверительных отношений.

Зато в одной из пожилых самок в очках с толстыми стеклами, которая остановилась, чтобы показать внуку памятник, Лирда пробудила сильную неприязнь, развившуюся в длинном потоке звуков. Инопланетянка проанализировала эти звуки, произвела их фонемное и смысловое членение и убедилась, что они относятся к одному из наиболее развитых синтетических языков этой планеты, а именно к тому, о котором в космическом справочнике было написано, что он «великий и могучий».

Маленький мальчик, стоявший рядом с аборигенкой, засунув палец в рот и склонив голову набок, рассматривал обнаженную девушку со сдержанным любопытством юного натуралиста. Лирда помахала ему рукой, чем вызвала новый поток звуков приутихшей уже было самки.

Не желая так скоро покидать свой отличный наблюдательный пункт, она переместилась на седло позади князя и свесила ноги.

Привлеченные неожиданным зрелищем, возле памятника останавливались все новые и новые аборигены. Вскоре их собралась уже целая толпа. В ней были

представители не только расы, живущей на этой части планеты, но также и других рас, непрерывно щелкавшие фотоаппаратами и жующие резинку. Лирда вспомнила, что стада этих жвачных называются туристами.

Лирда старалась запечатлеть эмоциональные состояния аборигенов, которые потом пригодились бы ей при составлении отчета. Со стороны самцов проявлялось в основном любопытство и сексуальный интерес, частично блокировавший их мыслительные способности и заставлявший их нижние челюсти отвисать на манер почтового ящика; чувства же самок, как заметила Лирда, были более разнообразными и менее доброжелательными.

Хотя наблюдения были интересными, Лирде не нравилось, что она привлекает к себе так много внимания. Она едва успевала фиксировать реакцию аборигенов:

— Простите! Здесь для журнала фотографируют?

— Я не могу на это смотреть! Я от омерзения пере-дергиваюсь!

— Так не смотрите!

— Я не могу не смотреть!

— Спускайся, красотка! Зачем так высоко залезла? Съездим в ресторан!

— Хоть стыд-то ладонью прикрой! Психопатка!

Удивленная Лирда хотела втянуть все щупальца, но вовремя спохватилась, что эта форма ими не располагает. Подключив энциклопедическую память, она поняла причину столь странного отношения к ней аборигенов. Причина эта оказалась более чем прозаичной и заключалась в отсутствии на ее теле полосок материи, называемых одеждой. «Бедняг беспокоит, что они не могут точно определить мой социальный статус!» — решила Лирда. Ей стало совестно.